

ДНЕВНИК ПАСТОРА ГУБЕРА

С 6-ГО ПО 31-Е АВГУСТА 1830 Г.

Перевод с немецкого.

6-го августа 1830 г., в одиннадцатом часу ночи, я только что воротился домой (в Саратов) с официальной поездки в N. В это время, в доме у меня находился пастор Конр, легший уже спать, он предполагал на другое утро отправиться в обратный путь. Жена моя еще не ложилась, да и Конр встал, чтобы еще поговорить со мною. Вскоре мы заговорили о сильно

занимавшем нас официальном известии, что болезнь cholera morbus появилась в Астрахани и страшно свирепствует. Потребованы были врачи. После этого известия пришло другое, что болезнь подвигается вверх по реке Волге, с юга, как в прошлом году она двигалась с востока, и с быстротой молнии приближается к нашей губернии, к тому же характер ее самый злокачественный. Были уже известия, что эпидемия открылась в Царицыне и в Дубовке. Тотчас же отправились туда вице-губернатор, инспектор по врачебной части, оператор и госпитальный доктор. Но уже 6-го числа вечером прошел слух, что трое приезжих из Астрахани заболели холерою и отправлены в госпиталь. 7-го числа говорили, что все эти больные умерли, а затем несколько других заболели так жестоко, что очень скоро умерли, отчего обыватели приведены в какой-то тупой ужас, особенно живущие во 2-м квартале Саратова, по близости Волги. Но на следующий день эпидемия перешла и в 3-й и в 1-й кварталы, а госпиталь, говорили, так переполнен заболевшими, что уже негде их класть и все они, в промежуток времени от 6 до 12 часов, умирают от рвоты, поноса и судорог, от которых тело синее. Бедствие это грянуло так быстро и неожиданно, что нельзя было и помыслить о принятии каких либо мер. Исправляющий должность губернатора и почти все врачи были в отсутствии, отправившись навстречу злу, которое думали отвести от Саратова; а оно уже было тут, прежде нежели успели принять меры против него, хотя никому не было известно, какие должны быть меры. Сначала не верили ни в большую опасность, ни в прилипчивость болезни; теперь же сила эпидемии обнаружилась множеством жертв и все доктора утверждают: эта болезнь не чужда заразительности, она не только эпидемическая, но и прилипчивая; иначе отчего бы целым деревням и не слышать о болезни, а в Саратове мало-мальски больной человек непременно страдает некоторыми холерическими припадками?

Сначала всякого заболевшего из простонародья, не давая опомниться, тащили в госпиталь. Госпитальный доктор находился в командировке; заменивший его врач был не знаком с расположением больницы, мало что смыслил; не было ни помощников, ни фельдшеров, ни даже приготовленных медикаментов, наконец не хватало и помещения для ежеминутно прибывавшего числа заболевающих. Врачи вероятно знали самый род болезни, но в том виде, в каком она появилась у нас и как ее лечить, это было для них темно, потому что средства, помогавшие в других случаях больным, тут не имели никакого действия. Употребляли кровопускание, давали приемы merc. dulc. или laudan. liquid., пускали в ход втирания всякого рода, но сначала ничто не спасало больного от смерти. Я сам бывал свидетелем употребления над больными и во время, и с величайшею точностью всех предписанных средств; но пока болезнь еще усиливалась, и больной был поражен ею в высшей степени, то ему положительно ничем нельзя было помочь. Когда вскоре заболели все четыре бывшие на лицо доктора (два умерли здесь, а другие два на пути в Царицын и в самом этом городе), и несмотря на кровопускание, подверглись судорогам, поносу и т. д., и один из них вскоре умер, несмотря на поданную ему всевозможную помощь, — тогда все исполнилось ужаса, страха, боязни и уныния. Кто только мог бежал из города; этому никто и не мешал, потому что болезнь не считали заразительною. Помещики, не состоявшие на службе, бежали в свои деревни; туда же — слуги и разный рабочий люд; также случайные обыватели из русских, немцев, татар и др. Таким образом приход мой, считавший 7-го августа до 550 человек, к 10-му числу убавился на полтора. Ничто так не пугало наших колонистов, как образ действия полицейских служителей, которые исполняли данные им приказания не только буквально, но и грубо. Переходя из дома в дом, разыскивая больных, силою хватали заболевших простолюдинов и тащили их в больницу, где ожидала их смерть, за недостатком помощи и ухода. Колонисты бежали в свои деревни. Говорят, многие из них умерли на дороге, другие далее распространяли болезнь.

С 7-го до 20-го августа болезнь усиливалась невероятным образом, сохраняя свой смертельный характер. Жертвы ее с каждым днем увеличивались от 4-х до 5-ти, до 12-ти, 40, 80, 120 и 200 человек, наконец в один день умерло до 260. В обратном же отношении число жертв стало потом уменьшаться. Всего по 30-е августа умерло до 2170 человек. Не ранее 26-го числа люди могли несколько вздохнуть при виде уступающей опасности. Но еще сегодня, 31-го августа, смерть напомнила о себе; все же она удаляется (1-го и 4-го сентября умерли еще двое детей). Весь июль месяц, вплоть до августа, погода стояла жаркая до чрезмерности, а ночи на открытом воздухе были прохладные; зато в домах мы все также потели, как в бане; днем и ночью мы находились в испарине и мучились жаждою, не говоря уже об общем расслаблении. Грозы были редки, еще реже дожди, да и те не прохлаждали, потому что зной солнечный в одну минуту иссушал землю. Подготовленные таким образом, мы заразились холерою первоначально от бурлаков, прибывших с Каспийского моря в Астрахань, отсюда в Царицын, Дубовку и Саратов. Такие же бурлаки, из которых двое были высажены, впоследствии занесли эпидемию в нижнюю колонию нагорной стороны Волги, где умерли Давид Квинт и другие. (Таким же образом в прошлом году, более обильном дождем, холера была занесена из Бухарии в Оренбург; а еще уверяют, что она не заразительна). Но по причине ли лучше устроенного карантина, эпидемия не распространилась далее. Говорят также, что врач колонии пустил в той местности кровь 400 колонистам, которые его о том просили. Эпидемия занесена также в Вольск, в казацкую слободу напротив Саратова и в Лесной Карамыш заезжими лицами, и все-таки уверяют, что болезнь не заразительна. Однако страшные слухи об опустошениях в той местности, к счастью, не оправдались в такой высокой степени, а в Сарепте, где устроены надежные карантинные, не было ни одного смертного случая. Теперь слышно, что холера снова появилась в Оренбурге и сильно свирепствует. Дай Бог, чтоб это были ложные слухи. И в наши соседние деревни бедствие проникло, но там оно действовало тише, нежели здесь у нас сначала.

По возвращении моем домой, ночью 6-го августа, простудившись немного и рассерженный медленной ездой, я заболел, но отделался легким поносом. До 11-го числа в приходе моем я не имел ни одного больного, хотя кругом нас смертные случаи становились все чаще и чаще, потому что болезнь распространилась уже по всему городу.

11-го августа, в десятое воскресенье после Троицы, я сказал слово на текст евангелия, где Иисус печалится о Иерусалиме. А как и мы находились под влиянием бедствия и страха, то мы также плакали не о себе только, но и о детях наших. Потом я прочел 91-й псалом, исполненный упования на Господа и старался внушить прихожанам бодрость и твердость в ожидании того, что угодно будет Богу послать нам. Сам же я почувствовал, сколько опасности, но вместе и сколько священного долга связано с моим призванием. Душа во мне трепетала и я молил Бога сохранить меня для паствы и для семейства, хотя я готов был пожертвовать своею жизнью, живо помня изречение Христа (Матф. гл. 16, ст. 25).

11-го августа около полудня, я в первый раз был призван к заболевшему церковному сторожу. Понос, рвота, страшные судороги мучили его. Я дал ему св. причастие, утешал его, ободрял и приказал немедленно пустить ему кровь, растирать его и дать прием *merc. dulc.* Но я знал, что собственно у него сделалось воспаление от простуды, оттого кровопускание и лекарство помогли, так что наш старик сторож поправился и остался жив. Потом меня позвали к молодой беременной женщине; и в отношении ее я употребил все, что приказывал мне долг; ей пустили кровь, растирали ее, однако она умерла. Таким же образом в то же время занемогли еще четверо человек, две женщины и двое мужчин. Они умерли в течении суток, в продолжении которых я навещил их четыре раза. Все страдали рвотою, поносом, судорогами (а желчи не было и следа); руки и ноги у них холодели и

синели, все тело обливалось холодным потом, под ложечкой давило, жажда была нестерпима и ничем неутолима; во рту и в горле жгло, очевидно все кровяные сосуды были полны стуженной крови. В таком виде проявлялась здесь болезнь; сначала она, на первых же порах, была смертельна. При лучшем уходе, больной разве только несколькими часами дольше жил, но конец был один. В одно время, с означенными лицами, умерли два годовые ребенка от судорог. Сегодня, 12-го августа, я ходил из дома в дом, навещал здоровых и больных, увещевал, ободрял, советовал уповать на Бога, и в то же время не поддаваться страху и унынию, которые сами по себе убийственны. Некоторые снова заболели и эпидемия росла.

13-го августа. Сегодня меня позвали к 18-ти летнему колонисту, потом к портному Гартману, потом к госпоже Плок, потом к служанке. Все они причастились св. таин и умерли, кроме служанки, легче заболевшей и не похолодевшей. Было еще довольно рано, когда меня позвали к одному из этих больных. В предыдущую ночь, вероятно, несколько человек были захвачены болезнью, потому что я, проходя по переулкам, мимо домиков нечаянно наступил на всякого рода испражнения. С трудом мог я пересилить свое отвращение. Помоги, Боже! прошептал я. На что и религия, если она не во власти все покорять, заставить человека усердно исполнять долг свой и поддерживать в нем бодрость духа! Ободрясь таким образом, я вошел к больным; жена портного лежала на полу на соломе, а он на сене; около них все было выпачкано испражнениями. Снова я исполнился отвращения; я не знал, куда ступить, так все было изгажено; священный сосуд я держал в руках; совершив над больными духовный обряд, я вышел из зачумленной атмосферы на чистый воздух, едва сдерживая тошноту. Такого рода случаи с тех пор часто повторялись, особенно в бедной среде. Мало по малу я закалил себя против подобных явлений и выносил их мужественнее.

14-го августа. Я навещал нескольких больных; другие только мучали себя страхом и опасением. К этим я отнесся серьезно. «Бойтесь Бога, говорил я, ведь вы не больны, чего же вы заранее пугаетесь. Берегите себя для детей и для семьи. Бог даст, будете живы и здоровы». Некоторые ободрялись, но было тоже из чего и сердиться. Например, пришел к одному сосед и говорит: «ах, да на что ты похож? Ведь ты болен, ты умрешь». Другой сосед подтверждает это. «Пошли, говорит, за пастором, тебе нежить». Приходит пастор и уже видит, кому жить, кому умирать. Верными признаками смерти были, вместе с судорогами, рвотою и поносом, посиневшие и похолодевшие руки и ноги. Если же больной не холодел, а, напротив, лежал в сильнейшей испарине, то он почти всегда выздоравливал, если только не подвергался простуде или не возбуждал в себе досаду и страх. Смотря по этим признакам, я и обращался к больному, или с утешением, или с надеждою, что он выздоровеет, что он еще не так болен, чтобы спешить принятием св. таин; советовал только беречься, ходил бы по комнате и оставался бы спокоен и, обещая еще раз прийти, я уходил к другим больным. Во второе посещение, я застал больного в лучшем положении и он остался жив. Сегодня я отпел пятых покойников и провожал их на кладбище. По дороге туда встретились мы с 60-ю гробами.

15-го августа. Прошлую ночью я был призван к семи господам и еще к другим больным. Все они умерли в течение одних суток и менее. С одним из них, г. Штуц, я говорил еще сегодня вечером в 6 часов, он был весел и здоров. Я возвращался от больных, когда увидел его у открытого окна: (потом мне передали, что он сказал обо мне: как Губер похудел, однако он все также бодр). Я зашел и стал рассказывать о больных и о собственном своем нездоровье. Он принял во мне самое дружеское участие и между смехом спросил меня, сколько же раз я бегаю? — А сколько успеваю, отвечал я, что и была сущая правда. С 7-ми до 12-ти часов я не отходил от больных и умирающих, тут уж не время было ходить; но только я с час времени побыл дома, как и беганью не было конца. Мы весело расстались с Штуцем. Около

10-ти часов он заболел судорогами, рвотою и поносом. Послали за доктором, ни один не отыскался, все были больны. Наконец пришел какой-то бывший лекарский ученик (тот самый, который впоследствии таким же образом пользовал барона Крюденера). Он нашел кровопускание лишним, но и в противном случае негде бы было достать фельдшера; от этого больной стал холодеть; в 6 часов утра я причастил его св. таин; в 9 часов 16-го числа я снова навещил его; он был весел, спокоен и покорен волей Божьей, и ледяною рукою своею пожал мою руку. К 11-ти часам его уже не стало. От него я отправился причастить г-жу Эбергардт. У ней была холера в сильнейшей степени, но при этом тело ее горело как в огне, она сильно потела, ей стало легче и теперь она жива. Я советовал крепче оттирать больную, поддерживать испарину и предчувствовал, что она выздоровеет! Не то было с матерью ее, баронессою Гойен; она вся была холодная и умерла вскоре по принятии св. таин. Впрочем ей было за 80 лет.

Похоронив в эту субботу еще нескольких умерших, навещив некоторых больных и здоровых, которых по своему утешал и ободрял, я принял просьбу многих о том, чтобы 17-го числа совершить в церкви таинство причащения над прихожанами. Побывав еще ночью у нескольких больных, из которых иные звали меня, других я сам желал видеть, я в 10 часов начал воскресную службу; причастников было до ста человек. Можно было это принять за предсмертную трапезу. Сегодня я уже нескольких похоронил; трупы не выдерживают и суток, так скоро они разлагаются. Сегодня же ночью снова многие заболели, просили и получили причастие. Из них очень немногие выздоровели. 17-го числа вечером один случай страшно на меня подействовал. Ткач, по имени Гергет, чью жену и одного ребенка я похоронил, а трое прочих детей страдали холерою, хотел было тоже причаститься сегодня в церкви, но принужден был оставаться при детях. Под вечер он пришел ко мне и просил дать ему причастие, предчувствуя, как он говорил, что ему надо умереть. И в самом деле от него несло как от трупа. «Хорошо, сказал я ему, теперь мы одни, кругом тихо, время у меня свободное и, если ты расположен, я сейчас же причащу тебя». — «Как же, я весьма буду рад», отвечал он в каком-то сильном волнении. Я всячески успокаивал его, принял его исповедь, отпустил ему грехи, потом, подготовив его приличными размышлениями, дал ему причастие. Я сам был как-то печально настроен. Но едва я произнес над ним благословение, как он поспешно выбежал в другую комнату и, не успев пройти дальше, схвачен был сильнейшею рвотою. Ужас и отвращение хотя и овладели мною в высшей степени, но я видел тоже, как этот бедняк тревожился, воображая, что он обидел и меня, и Бога, выплюнув причастие. Я старался его успокоить. В передней его снова рвало, потом еще сильнее за наружными дверями. Наконец, собравшись с духом, я с участием и любовью стал говорить ему: «любезный друг, ты не виноват, не тревожься, не бойся ни за себя, ни за меня, ни за причастие. Св. тайны не для желудка служат, а для души: ты принял их духом своим, а выплюнул только хлеб, да вино, а для Бога это все равно, что все прочее, молоко ли, мука, масло или вода. Ты ни в чем не виноват, а нет вины, так нет и греха. Успокойся же, ступай домой и ложись, тебе полегчает!» Мои слова казалось успокоили его, он пошел домой, ему стало лучше, теперь он жив и здоров. Мне оставалось велеть у себя убирать, чистить и проветривать комнаты, и самому уйти на чистый воздух; но отвращение было еще так сильно, что не обошлось без рвоты. Это меня облегчило, я пришел в прежнее спокойное состояние духа.

18-го августа. Ночью был призван к нескольким больным; днем навещил других больных и также здоровых, но боязливых; после чего был на погребении Штуца, баронессы Гоин и других, которых только на дому отпевал. Потом навещил я доброго Ивана Карловича Линдегрена, которого я еще ранее причастил. Смерть уже витала над ним, но он был спокоен и весел, и покорился воле Божией. Он предчувствовал свою смерть и на другой день его не стало. Он умер, не зная о смерти своего приятеля Штуца. В один час с ним

скончался и Крюденер. Мой кистер и регент тоже заболел. Прошлую ночь меня звали ко многим умирающим. В эти сутки смерть косила с небывалою еще яростью.

18-го августа. Рано утром вышел я навестить больных, а в 9 часов я располагал, как и жену предупредил, зайти к Линдегрену. Подле него живет и Крюденер. По дороге туда встречаются мне едущие вскачь дрожки, которые догнали меня в ту минуту как я входил к Линдегрену, который только что скончался.

Тут меня отозвали причастить Крюденера. Жена моя выслала вперед слугу с св. дарами. Когда же я вошел к больному, то до слуха моего дошли плач и рыдания детей и жены. Покойник лежал на постели, постланной на полу. (Вообще все больные холерою бросались с кровати на пол). Еще вчера он был здоров и весел, а сегодня, не смотря на крепкое дюжее сложение, уже мертв. Жена его в отчаянии звала его по имени. Как не здешняя уроженка, она жаловалась на ломаном немецком языке, будто мужа ее убили, будто доктор был подкуплен. Но его лечил не доктор, а лекарский ученик, о котором я выше упоминал. Доктора были кто откомандирован, кто болен, а многие уже не в живых. Этот лекарь прописывал какие-то порошки, да какую-то микстуру. Впрочем, известно, что и при самом рациональном лечении, самом заботливом уходе болезнь не поддавалась в эпоху сильнейшего своего свирепствования. Так было до 20-го августа. Когда же эпидемия начала ослабевать в такой же постепенности, тогда как-будто все помогало. Многие больные вылечивались тогда от простой бани и от втираний. Свойства холеры таковы, что следовало бы обратить серьезное внимание на способы лечения ее и на меры против заражения, так как она, я убежден, прилипчива.

Начиная с 19-го августа, я стал с каждым часом слабеть, до того, что уже не в силах был держаться на ногах. Понос истощал мои жизненные соки. Ночью меня мучили сны, воскресавшие в памяти все сцены ужаса, которых я был свидетелем в это холерное время.

20-го августа. Я уже сегодня должен был отпевать Крюденера, ранее назначенного дня, потому что тело его сильно разложилось. Потом отпевал еще нескольких покойников, навестил больных и некоторых здоровых; а в 9 часов вечера я почувствовал какое-то необыкновенное подергивание в руках и ногах и давление под ложечкой. Настроение моего духа было похоже на ощущение осужденного к смерти преступника; но мысль о смерти как-то не приходила мне в голову; я чувствовал в себе еще много силы. Я лег в постель и принялся за втирания, при этом я потел и горел как в огне, что не мешало мне однако накрыться двумя одеялами, сверх которых жена моя разостлала еще шубу. «Ну, теперь отлично, — сказал я, — а только в самый раз тепло: не мало и не слишком». Спустя полтора часа испарина отошла, мне стало легче и я даже начал пошучивать. «Только бы скорее день настал», — сказал я. «А что тогда?» — спросила жена. «Тогда я обсушил бы себя, встал, теплее оделся бы и вышел бы на воздух стряхнуть с себя тяжелые думы». В это самое время кто-то постучался: пришли звать меня к больной, которой сын только что умер. «Что же, — сказал я, — я располагал выйти по утру, а Господь зовет меня теперь, пойду!» Теплее одевшись, я отправился к больной, тут в жаркой комнате снова вспотел; исполнил свой священнический долг, и закутавшись, возвратился домой; здесь снова лег в постель и тихо как дитя проспал около трех часов. Я чувствовал в себе какую-то крепость и настроение духа моего было необыкновенно бодрое. Как усердно благодарил я Бога за свое спасение. Как ценил жену свою за ее кротость и терпение в тяжелых обстоятельствах! Вскоре потом меня снова отозвали. Я выпил чашки две травяного чаю, принял мятных капель, повторив это и днем, избавился от поноса; тогда как раньше ничем нельзя было его унять. На икры я положил еще горчичники, для отвращения судорог, а как они пролежали довольно долго, то произвели пузыри,

вроде натуральных фантанель, до сих пор (31-го августа) не заживших.

Через несколько дней припадок повторился, но слабее и сам я легче его выдержал, даже с каким-то радостным чувством. Значит и эпидемия, и угрожающая смерть имеют свое обаяние; и как смирится строптивное человеческое сердце, когда Господь дает почувствовать свою кару, а затем и милосердие, и любовь свою! Так Иаков справедливо восклицает: «Господи, я недостойн твоего милосердия». Я могу сказать, что в это печальное время я испытал также много блаженных часов, в которые видимо поддерживал меня Господь своею благодатью.

21-го августа. По желанию вдовы Крюденера, я должен был вчера же похоронить тело ее мужа. Ни один труп не издавал такого зловония, как этот. Хотя и надо быть снисходительным к горести и отчаянию, однако тяжело видеть упрямство, которое настаивает на мысли об умышленном убийстве, когда смерть в то же время похищает столько других жертв. Отца Линдегрена и 11-ти летнего сына его Николая я похоронил сегодня в одну и ту же могилу. Потом навещил нескольких больных. Между тем, к величайшему моему утешению, в моем приходе число заболевших заметно начало убавляться. Это позволяло мне чаще навещать каждого из прихожан отдельно.

Сегодня скончался мой второй певчий; заболел было и третий, да выздоровел и звал меня на крестины своего ребенка.

22-го августа. Сегодня в моем приходе умерли только двое, из них новорожденный ребенок, проживший только двое суток. Последний случай тем замечателен, что этот новорожденный очевидно спас жизнь своей матери. У матери, до родов, были все признаки холеры, а в самый день рождения ребенка я застал мать совершенно здоровою, а подле нее новорожденного, о котором бабушка говорила, что он должен умереть. «Так мы его окрестим», сказал я и совершил над ним обряд крещения. Матери сказал: «если Богу угодно взять у вас жертву, так это еще легкая». И действительно ребенок посинел и умер, а мать осталась жива. — Сегодня умерло еще двое.

23-го августа. Похоронил нескольких; умер в Царицыне наш доктор Мейер. Ни о ком так не жалели, как об этом прекрасном человеке, бескорыстном и скромном докторе, любимом своими согражданами, за его истинные достоинства. Против воли откомандированный в Царицын, он садился в дорожную бричку, бледный, говоря провожавшей его матери: «кто довольно пожил, тому и в гроб пора!»

23-го августа. Сегодня было несколько погребений, но смертных случаев и заболевших не было. Смерть как будто удаляется. Сегодня, по желанию прихожан, совершал обряд причащения в церкви. Было 70 причастников, большая часть в трауре по умерших близких.

С 25-го по 31-е августа было несколько смертных случаев и заболевших, но из последних большая часть выздоровели. Всего в продолжение этого месяца я похоронил 35 покойников. Еще 15 человек больны, но поправляются. 30-го августа, я служил благодарственный молебен и можно себе представить с каким чувством после прожитого ужасного времени! Раз пережить его — можно и не пожалеть, но вторично — я не желал бы.

В это время мой образ жизни был таков: я одевался как в холодную зиму, мало ездил, а большее бегом шел к больным, для поддержания испарины и отвращения простуды; перед тем, как выйти со двора, утром ли, ночью, я вытирался уксусом, выпивал рюмку горькой водки или чашку горячего чаю с вином и держал у рта и носа платок, пропитанный дегтем или уксусом. Аппетита у меня вовсе не было; ел только мясное, пил воду и вино. Жажда

была так велика, что я с 12-го по 26-е августа выпил столько вина, сколько прежде не выпивал в течение года. Потом жажда унялась. Слава Богу, что страшное время миновало, и так благополучно для меня и для моего семейства П а с т о р Г у б е р ¹⁾).

Сообщ. П. П. фон-Гец.

---

¹⁾ Пастор Иоанн Самуил Г у б е р (Huber) род. 28-го декабря 1778 г., служил до 1807-го года лютеранским пастором в приволжской немецкой колонии Усть-Залихе, Саратовской губернии, где в 1814 г. родился у него сын [Эдуард](#) — впоследствии русский поэт и переводчик «Фауста» Гете. В 1833 году Иоанн Губер переведен в Саратов членом лютеранской консистории, а в 1834 г. назначен супер-интендантом Московской консистории. 20-го марта 1857-го он праздновал 50-ти летний юбилей служения своего в духовном звании. Иоанн Губер умер в Москве 3-го января 1858 года, пережив своего сына, поэта Эдуарда (умершего в СПб. в 1847 г.). Р е д .

Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Год 9-й.
Август 1878 год. СПб, 1878, с. 581-590.